

Система понятий как метаязык судебной экспертологии

 **В.О. Кузнецов**

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Понятия буквально пронизывают всю структуру судебно-экспертной деятельности, образуя особую систему терминов, организуя метаязык судебной экспертологии как науки, отличающий ее от смежных юридических наук – криминалистики и процессуального права. Цель статьи – рассмотреть систему понятий судебной экспертологии. Отмечена неоднородность ее терминологического и понятийного аппаратов, что обусловлено синтетической природой науки. На основе уже существующих классификаций понятий и терминов общей теории судебной экспертизы предложена новая классификация, включающая не только традиционно выделяемые общенаучные, частнонаучные, правовые понятия и специальные понятия языка судебной экспертологии, но и так называемые экспертные понятия – междисциплинарные, промежуточные понятия, полученные в результате трансформации данных базовых наук. Междисциплинарные понятия составляют теоретическую, концептуальную основу некоторых родов судебной экспертизы, прежде всего комплексной судебной психолого-психиатрической и судебной психологической экспертиз, где они традиционно называются «экспертными». Будучи употребленным в кавычках, слово «экспертные» свидетельствует об условности терминов, указывая на область применения, функционирования понятий, противопоставляя их одноименным юридическим понятиям и категориям базовых наук.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, судебная экспертология, метаязык, экспертные понятия, материнские науки*

Для цитирования: Кузнецов В.О. Система понятий как метаязык судебной экспертологии // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 1. С. 33–46.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-33-46>

The System of Concepts As a Metalanguage of Forensic Science

 **Vitaly O. Kuznetsov**

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. Concepts are an integral part of a forensic activity forming a specific terminological system, determining forensic science's metalanguage, distinguishing it from the related legal sciences: criminalistics and procedural law. The article aims to review the conceptual system of forensic science. The authors point out the heterogeneity of its terminological and conceptual systems, which results from the synthetic nature of this science. Based on the existing classifications of concepts and terms of the general theory of forensic science, a new classification is proposed, including not only traditionally recognized terms such as general and specific scientific, legal notions and special concepts of forensic expertology language, but also the so-called expert concepts: interdisciplinary, intermediate notions, obtained as a result of the transformation of basic sciences's data. Interdisciplinary notions form the theoretical and conceptual framework for some kinds of forensic examinations, first of all, complex forensic psychological and psychiatric and forensic psychological examinations, which traditionally refer to them as "expert". When used in quotation marks, the word "expert" indicates the terms' conditional character, indicating the scope of application and functioning of the concepts, contrasting them to the legal concepts of the same name and basic sciences' categories.

Keywords: *forensic science, forensic expertology, metalanguage, expert concepts, basic sciences*

For citation: Kuznetsov V.O. The System of Concepts As a Metalanguage of Forensic Science. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 33–46. (In Russ.).

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-33-46>

Введение

В настоящее время можно считать состоявшимся появление судебной экспертологии – самостоятельной науки, которая имеет разделы: общая теория судебной экспертологии, правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности (СЭД), ее организационное обеспечение и судебно-экспертные технологии [1]. Каждый из перечисленных структурных блоков, прежде всего общетеоретический, активно развивается, что обусловлено потребностями современного судопроизводства, а именно жесткими требованиями к научной обоснованности экспертного заключения и достоверности выводов эксперта. В связи с этим возникает особая потребность в развитии положений, связанных с языком судебной экспертологии, в частности с системой экспертных понятий, на которой строится как общая теория науки, так и частные теории отдельных родов и видов судебных экспертиз. С точки зрения общей теории судебной экспертологии язык судебной экспертизы и ее понятийно-терминологический аппарат рассматривались в единственном на настоящий момент диссертационном исследовании Д.В. Панариной¹. В нем подробно освещены вопросы формирования и развития языка судебной экспертологии в аспекте терминологии базовых методологических понятий и определений общей теории судебной экспертизы, унификации, формализации и стандартизации ее языка.

В данной статье нами предпринята попытка рассмотрения системы понятий современной судебной экспертологии как специфического метаязыка этой отрасли науки. Для этого необходимо рассмотреть проблему языка судебной экспертологии в ретроспективном аспекте, а также ее современное состояние.

Язык судебной экспертологии: история изучения и современное состояние

Впервые вопрос о языке судебной экспертологии был поднят в конце 70-х годов прошлого века А.И. Винбергом и Н.Т. Малаховской в фундаментальном труде «Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз)» [2]. Положения концепции авторов о судебной экспертологии как отдельной науке о судебной экспертизе были

подвергнуты в то время жесткой критике со стороны большинства ученых. При этом, как отмечает Е.Р. Россинская, в трудах которой была возрождена идея о создании полноценной науки о судебной экспертизе и СЭД, работа А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской «дала новый мощный импульс для исследований в области общей теории судебной экспертизы» [1].

Большую роль в формировании и развитии учения о языке судебной экспертологии, в том числе и на современном этапе, сыграли концептуальные положения учения о языке криминалистики, разработанные в трудах ученых-криминалистов. Так, Р.С. Белкин и А.И. Винберг в работе 1973 года, говоря о языке криминалистики как об одной из составляющих общей теории криминалистики, рассматривали его в аспекте знаковой теории – семиотики. По их мнению, язык криминалистики состоит из нескольких элементов: элементов естественного языка, языка науки, формализованного языка и информационно-поискового языка [3, с. 229–238]. Авторы сформулировали понятие языка криминалистики как системы ее общих и частных понятий, выражаемых определениями и обозначениями (терминами, знаками) [там же, с. 238], при этом тенденциями развития языка криминалистики являются расширение круга употребляемых определений, их изменение и дифференциация, унификация терминологии, разработка знаковых систем криминалистики [там же, с. 239–243].

Концепция языка криминалистики получила развитие в последующих работах Р.С. Белкина [4, 5], а также в трудах других ученых-криминалистов (например, [6–8]). В русле этих работ проводились и проводятся в настоящее время исследования в области языка судебной экспертизы и языка эксперта. При этом теоретические положения о составляющих языка криминалистики (естественный язык, язык науки и формализованный язык), системе понятий, тенденциях развития этого языка стали ключевыми для учения о языке судебной экспертологии.

А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская в упоминавшемся выше труде рассматривали язык судебного эксперта (уже относительно судебной экспертологии) как составную часть языка науки и сформулировали определение языка эксперта, во многом схожее с определением языка криминалистики: «Язык науки, включая и язык судеб-

¹ Панарина Д.В. Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебной экспертизы. Дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. 238 с.

ного эксперта, представляет собой систему понятий, выражаемых определениями и обозначениями (терминами, знаками)» [2, с. 14]. По их мнению, научные понятия, составляющие язык судебной экспертизы, играют большую роль в создании теоретической системы такой новой для того времени отрасли науки, как судебная экспертология: «Теория судебной экспертологии должна строиться на четких научных понятиях. В этой связи уместно показать общее значение научных понятий для разработки любой новой отрасли интегральной науки, имея при этом в виду, что в процессе дифференциации в каждой отрасли знания действуют свои специфические понятия, свой специфический для данной отрасли знания язык, своя особенность понятийного аппарата <...> Формирование каждого нового понятия может служить основой создания теоретической системы» [там же, с. 8–9].

Следует согласиться с мнением авторов, что особое значение имеет положение об унифицированном языке судебного эксперта, его создание – важнейшая задача судебной экспертологии: «Судебная экспертология в этом плане, при разработке общенаучных понятий, объединяя в своей целостной системе научные основы самых различных судебных предметных наук, должна считать одной из своих важнейших задач выработку единого языка интегрированной теории судебных экспертиз, охватывающего общие научные понятия, присутствующие всем судебным предметным наукам и соответственно теории судебных экспертиз» [2, с. 13]. Его выработка необходима в том числе для оптимизации решения экспертных задач, а именно их алгоритмизации [там же, с. 14]. Развивая идею об унифицированном языке судебного эксперта, А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская подчеркивают необходимость сделать этот язык общепонятным для экспертов, следствия и суда: «Унифицируемый язык судебного эксперта должен быть одинаково понятным как судебным экспертам, так и следственным и судебным работникам» [там же, с. 13].

Большим шагом к выработке такого унифицированного общепонятного языка явилось создание и издание на базе Всесоюзного научно-исследовательского института судебной экспертизы Минюста СССР в 80-х годах прошлого века словаря основных терминов судебных экспертиз (1980), а также словарей терминов отдельных родов судебных экспертиз: судебно-

почерковедческой (1981), судебно-баллистической (1984), технической экспертизы документов (1985), психологической, трактологической (1986), бухгалтерской, экономической, почвоведческой, криминалистических экспертиз материалов, веществ и изделий (1987), автотехнической (1988) и др. Создание этой серии словарей свидетельствовало о «наличии специфического языка как общей теории, так и частных теорий в науке о судебной экспертизе и об органической связи как этих теорий, так и их языков» [9, с. 64].

Дальнейшие исследования проходили в русле формирующейся науки о судебной экспертизе – общей теории судебной экспертизы, а затем – судебной экспертологии. Авторы монографии 1997 года рассматривают язык общей теории судебной экспертизы как явление, еще только находящееся в стадии формирования: «Как всякая научная теория, общая теория судебной экспертизы должна быть сконструирована из четких, однозначно воспринимаемых научных понятий, а ее язык в достаточной мере унифицирован хотя бы настолько, чтобы им могли пользоваться судебные эксперты различных специальностей, следователи, судьи» [там же, с. 62–63]. Действительно, в настоящее время, несмотря на разработанность теории судебной экспертизы, не все термины и понятия в ней однозначно определяемы.

Т.В. Аверьянова, предлагая модельную структуру общей теории судебной экспертизы, рассматривает в качестве отдельного раздела учение о средствах и формах коммуникативной деятельности при производстве судебных экспертиз и информационных процессах. Центральной частью учения является «язык эксперта, система экспертных понятий и обозначающих их терминов, проблемы формализации экспертного языка и компьютеризации на этой основе судебных экспертиз» [10, с. 103]. Вслед за Р.С. Белкиным Т.В. Аверьянова выделяет в качестве источников языка судебной экспертизы три категории: естественный язык, язык науки и формализованный язык [там же, с. 106].

Е.Р. Россинская в разработанной ею модели современной судебной экспертологии предлагает учение о формах и средствах коммуникативной деятельности эксперта [1].

Придерживаясь положения о трех видах языка, составляющих язык судебного эксперта – естественный язык (общеупотре-

бительный), язык науки (специализированный), формализованный язык (символический, знаковый), – авторы современной концепции судебной экспертологии полагают, что на современном этапе целесообразно говорить о синтезе всех трех видов языков, обслуживающих СЭД [11]. Представляется, что данное положение более корректно, нежели идея о трех видах языка, используемых в судебной экспертизе. Развивая положение о системе экспертных понятий, авторы полагают, что термины и понятия, входящие в язык судебного эксперта, неоднородны в связи с межотраслевым, интегративным характером самой судебной экспертологии: «...судебная экспертология должна использовать соответствующий междисциплинарный терминологический аппарат» [там же, с. 59]. При этом, по мнению авторов книги, задачей общей теории судебной экспертологии является упорядочение терминологии, ее систематизация и унификация, что обусловлено многозначностью, нечеткостью, расплывчатостью терминов [там же].

Язык судебной экспертизы в аспекте тенденций формирования и развития рассматривается нижегородскими учеными В.А. Юматовым, Т.В. Радбилом, О.А. Нестеровой. В основу их исследований положены тенденции развития языка криминалистики, обозначенные Р.С. Белкиным. По мнению В.А. Юматова и О.А. Нестеровой, более эффективно развивать язык судебной экспертизы под контролем языковедов: «...наши рекомендации заключаются в том, что указанные выше тенденции развития языка криминалистики и судебной экспертизы должны протекать под направляющим и корректирующим контролем со стороны ученых-лингвистов» [12]. Это прежде всего касается унификации терминологии, систематизации понятий и определений языка судебной экспертизы путем создания тезаурусов. Как указывают Т.Б. Радбиль и В.А. Юматов, на настоящий момент создан номинативный тезаурус², затем должен быть создан функциональный тезаурус, а в конечном счете – полный тезаурус, где «...главной целью будет являться повышение точности и полноты классификации за счет максимально полного учета всех возможных, в том числе междисциплинарных, связей и отношений систематизированных объектов с условиями их возникновения, функционирования, развития» [13]. Мы

не согласны с необходимостью контроля развития языка криминалистики и судебной экспертизы со стороны ученых-лингвистов, поскольку в данном случае мы не имеем дело с лингвистическими терминами и понятиями. Вместе с тем нельзя не согласиться с точкой зрения Т.Б. Радбиля и В.А. Юматова, что язык науки, являющийся одним из источников языка судебной экспертизы, необходимо рассматривать как метаязык, т. е. это «специально созданная, во многом искусственная знаковая система описания предмета научных исследований» [там же], дополняющая естественный язык терминами.

Исследователь языка научного общения в лингвистическом аспекте, в том числе метаязыка, Н.Б. Гвишиани отмечает, что метаязык является языком второго порядка, т. е. языком описания естественного языка, инвентаризации терминов (понятий и номенклатур) [14]. Она выделяет три основных аспекта метаязыка: 1) собственно термины, 2) своеобразные сочетания слов, 3) определенный социолингвистический аспект [15, с. 46], которые в целом соотносятся с существующим пониманием языка современной судебной экспертологии как отрасли науки.

Большой вклад в развитие учения о языке судебной экспертологии внесли ученые Тульского государственного университета Т.В. Толстухина, А.А. Светличный и Д.В. Панарина. Ими дано принципиально новое определение языка судебной экспертизы как межотраслевого института: «Язык судебной экспертизы – это специальная знаковая система, выступающая средством реализации научного и практического мышления, обусловленного методологией судебной экспертизы, и понятийно согласуемая с общей системой судопроизводства» [16]; «Язык судебной экспертизы – это сложное системное комплексное понятийно-терминологическое образование, имеющее постоянно развивающуюся и совершенствующуюся структуру, выступающее способом и средством осуществления судебно-экспертного научного мышления, обусловленного объектом и задачами исследования в конкретной области, и понятийно согласуемое с общей системой судопроизводства» [17]. В обоих определениях ученые отмечают понятийную согласованность языка судебной экспертизы с общей системой судопроизводства, что, на наш взгляд, является верным и важным с точки

² Имеется в виду «Словарь основных терминов судебных экспертиз». М.: СУДЭК, 2009. 114 с. – Прим. автора.

зрения места СЭД в системе судопроизводства, а также связи судебной экспертологии со смежными процессуальными науками.

Т.В. Толстухина, А.А. Светличный и Д.В. Панарина подчеркивают строгость и однозначность языка общей теории судебной экспертизы в отличие от языка криминалистики и процессуального права: «Более строгим и однозначным следует признать язык общей теории судебной экспертизы, поскольку он более формализован, представляет собой симбиоз языкового множества наук и по своей природе является неким интегрированным явлением, вобрав в себя термины и определения естественных, технических, экономических, искусствоведческих, химических и других наук, сопровождаемых юридическими положениями и нормами» [16].

Особого внимания заслуживает рассмотрение этими учеными языка судебной экспертизы в аспекте терминоведения. По их мнению, «языковая политика общей теории судебной экспертизы должна быть выстроена в соответствии с принципами общего терминоведения, образуя свою специальную терминосистему, и должна быть органично интегрирована в общую терминологическую систему юридических наук» [18]. Они выделяют следующие направления развития системы терминологии общей теории судебной экспертизы: инвентаризацию терминов (сбор, описание и систематизация терминов), унификацию терминов (упорядочение, стандартизация, редактирование терминов) и терминографию (создание словарей и банков терминов, разработку стандартов терминов) [там же].

Перечисленные направления развития общей теории судебной экспертизы подробно освещены в уже упоминавшемся диссертационном исследовании Д.В. Панариной, где автор выявила закономерности развития языка общей теории судебной экспертизы, связанные «с изменением терминов и определений, обусловленным развитием и изменением знания о предмете и объекте общей теории судебной экспертизы; с внедрением в экспертную практику инновационных технологий и знаковых систем языка; с изменением нормативных требований, предъявляемых к языку науки; с развитием языка смежных процессуальных юридических наук и криминалистики». Она также выделила основные тенденции развития языка судебной экспертологии на современном этапе: ин-

вентаризацию терминов, их унификацию и терминографию и разработку систематизированного знания о языке общей теории судебной экспертизы.

В работах Е.И. Галяшиной язык судебной экспертологии рассматривается в аспекте разработанной ею концепции судебного речеведения. Она дает следующее определение языка экспертизы – «...система общих и частных признаков, выражаемых определениями и обозначениями (терминами, знаками). <...> Язык экспертизы призван унифицировать термины, общие для всех классов, родов экспертиз, обеспечивать постоянное пополнение и обновление терминов в частных теориях родов судебных экспертиз, развивать формализованный язык в целях математизации и компьютеризации производства экспертиз» [19, с. 319].

Е.И. Галяшина по отношению к языку судебного эксперта совершенно справедливо использует распространенное в научной литературе понятие «язык для специальных целей»/«специальный язык»: «выделение такого понятия, как специальный язык, язык специальных знаний (метаязык судебной экспертной деятельности), связано с историческим разделением труда и необходимостью общения на профессиональные темы. Язык эксперта является специальным языком, реализуемым на практике в виде заключения эксперта (специалиста) и его показаний в ходе допроса» [там же, с. 264].

Как отмечает автор, к языку эксперта как специальному языку предъявляется ряд требований, прежде всего ориентация на адресата, доступность для понимания любому лицу, однозначность понимания: «Заключение составляет лицо, обладающее специальными знаниями и использующее эти знания для достижения поставленной цели – ответа на вопросы. Используя язык науки либо иной специальный язык, эксперт должен учитывать возможность восприятия данного заключения. Формализация и унификация языка экспертного заключения – закономерный процесс, позволяющий более эффективно использовать данный вид доказательства» [там же, с. 270].

Многие ученые, в том числе и Е.И. Галяшина, рассматривают унификацию языка судебной экспертизы как одну из тенденций развития судебной экспертологии. В свою очередь унификация связана с таким трендом в СЭД, как стандартизация.

Как подчеркивает О.А. Крестовников, стандартизация терминологии судебной

экспертизы благотворно скажется на развитии языка общей теории судебной экспертизы в целом: «В этой связи справедливо ставить вопрос о необходимости упорядочения и стандартизации (международной в том числе) терминологии судебной экспертизы, судебно-экспертной деятельности, т. е. о разработке общей концепции терминологической деятельности, что поспособствовало бы развитию языка общей теории судебной экспертизы, разработке специализированных тезаурусов, единых баз данных и стандартов проведения экспертиз, а также внедрению их результатов в практическую деятельность» [20].

Говоря о стандартизации терминологии СЭД, С.Н. Нефедов подчеркивает важность этого процесса для судопроизводства: «Термины в судебной экспертизе – это не только средства коммуникации экспертов, это также язык общения и взаимодействия эксперта со всеми участниками процесса, от которого зависят правильность понимания результатов экспертизы и решение наиболее сложных проблем и ситуаций, возникающих в ходе следствия и судебного разбирательства» [21].

А.И. Усов, Г.Г. Омелянюк и Е.В. Чеснокова отмечают необходимость выработки единого технического языка судебной экспертизы: «Основной задачей на современном этапе развития отношений с международным сообществом является выработка единого технического языка, включая терминологию в области судебной экспертизы» [22]. Вместе с тем данный вопрос является проблемным – имеют место трудности сопоставления терминов и определений международного стандарта и терминологии отечественной судебной экспертологии, что, как справедливо отмечает Е.В. Чеснокова, обусловлено двумя факторами: «относительностью сформированности отечественной терминологии в теории судебной экспертизы и особенностями перевода некоторых английских терминов» [23].

В России и мире в этом направлении ведется активная работа. Так, Техническим комитетом по стандартизации 134 «Судебная экспертиза» разработаны восемь национальных стандартов, уточняющих термины и определения в области различных судебных экспертиз, которые действуют в настоящее время³. Кроме того, приняты две части

международного стандарта: (1) ISO 21042-1:2018 Forensic Sciences – Part 1: Terms and definitions и (2) ISO 21042-2:2018 Forensic Sciences – Part 2: Recognition, Recording, Collecting, Transport and Storage of Items. Первая часть стандарта⁴ имеет прямое отношение к языку судебной экспертизы, а именно к его терминологической системе. В этом документе даются определения таким базовым терминам судебной экспертизы, как examination, forensic, document и т. п.

Исследования языка судебной экспертизы за рубежом на фундаментальном уровне не проводятся, они заключаются в целом лишь в стандартизации и фиксации терминов. Помимо стандарта ISO, можно отметить множество словарей судебных экспертиз различных родов и видов, выпущенных в разных странах. Например, глоссарий по судебной экспертизе [24] и иллюстрированный словарь по судебной экспертизе [25] Бреннера (J.C. Brenner, 1997, 2003), словарь судебной экспертизы Белла (S. Bell, 2012) [26], словарь по судебной психологии [27] и др. [28].

При этом за рубежом язык права активно изучается с 60–70-х гг. прошлого века в рамках прикладной лингвистики. Существует целое направление, исследующее различные сферы юридического языка. В английской традиции данное направление обозначается различными терминами: language and law, legal language, legalese и др. [29–32].

Итак, язык судебной экспертологии представляет собой сложный и многогранный феномен, связанный со всеми аспектами СЭД.

Метаязык судебной экспертологии

Как было показано выше, язык судебной экспертологии в основном определяется учеными как система понятий. Не является исключением и понимание языка судебной экспертизы Л.Г. Эджубовым: «Язык судебной экспертизы – система общих и частных понятий и правил их использования, предназначенная для оптимального и эффективного проведения экспертного исследования, описания этого процесса и представления его результатов» [33]. В данном емком определении, с одной стороны, акцентируется внимание на использовании системы понятий в целях создания основного продукта СЭД – заключения эксперта, с другой

³ ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России / Стандартизация судебно-экспертной деятельности. <http://www.sudexpert.ru/standards/> (дата обращения: 15.02.2021).

⁴ В русском переводе: ИСО 21043-1:2018 «Судебная экспертиза – Часть 1: Термины и определения».

– в нем затронуты все аспекты судебно-экспертной деятельности, задействованные в создании этого продукта. Таким образом, понятия буквально пронизывают всю систему судебно-экспертологии, образуя специфическую систему терминов и понятий, организуя метаязык судебно-экспертологии как науки, отличающий ее от смежных юридических наук – криминалистики и процессуального права.

Многие исследователи отмечают интегрированность судебно-экспертологии и обусловленную этим неоднородность ее понятий и терминов. В этой связи Д.В. Панарина пишет: «Язык общей теории судебно-экспертной экспертизы представляет собой симбиоз множества наук и по своей природе является неким интегрированным явлением, вобрав в себя термины и определения естественных, технических, экономических, искусствоведческих, химических и других наук, обогатив его юридическими положениями и нормами» [17]. О неоднородности используемого судебно-экспертологией терминологического и понятийного аппаратов свидетельствуют и существующие модели общей структуры судебно-экспертологии (см., например, [1, с. 17; 34; 35, с. 473]), в целом отражающие синтетическую природу этой науки.

А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская видят причину этой неоднородности в том, что «... базисом понятийного аппарата экспертологии является экспертная, следственная и судебная практика, которая получает свое отражение и теоретически реализуется в научных понятиях» [2, с. 11], а также многие области знания, задействованные для решения экспертных задач: судебная экспертология, по их мнению, «вбирает в себя научные основы многочисленных отраслей знаний – предметных судебных наук, отражающих все усиливающуюся тенденцию комплексного исследования вещественных доказательств, а также применение современных возможностей химии, физики, биологии, кибернетики, математики и других наук при изучении различных объектов исследования судебных экспертиз и необходимых для решения экспертных задач. Общенаучные понятия целенаправлены на синтез знания, на интегративные науки. Наряду с философскими категориями они содействуют объединению предметов различных наук в нечто цельное» [там же, с. 12].

Неоднородность терминологического и понятийного аппаратов судебно-эксперт-

логии отражена и в классификациях терминов и понятий. По мнению авторов монографии «Основы судебно-экспертной экспертизы», система терминов языка судебно-экспертной экспертизы включает в себя три основных элемента:

1) общеупотребительные эмпирические и теоретические термины, в равной мере используемые и в иных теориях;

2) заимствования из языка специализированных экспертных наук;

3) специальные термины языка судебно-экспертной экспертизы как специфической области знания [9, с. 63].

Подобная классификация терминов и понятий языка судебно-экспертной экспертизы приведена и в работе Т.В. Аверьяновой [10]. Более полная, по нашему мнению, классификация была предложена Д.В. Панариной, в которой термины и понятия судебно-экспертной экспертизы выделяются по двум основаниям: областям научного действия и нормативному закреплению (рис. 1). Исходя из этого, Панарина выделяет шесть видов понятий и терминов.

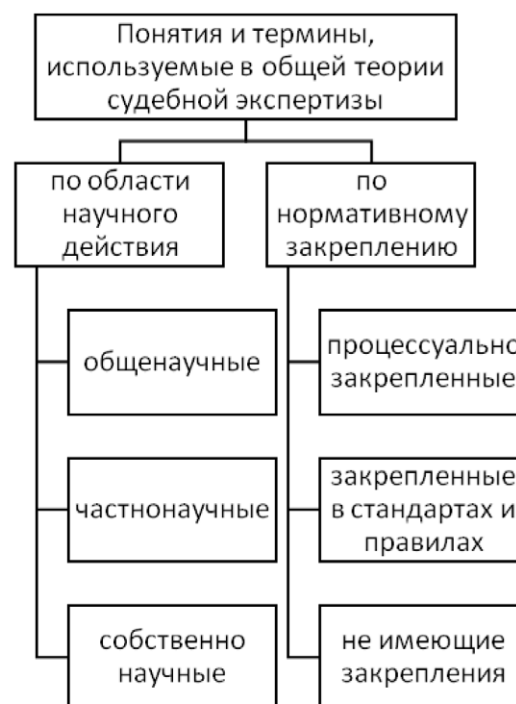


Рис. 1. Классификация понятий и терминов общей теории судебно-экспертной экспертизы, предложенная Д.В. Панариной⁵

Fig. 1. Classification of notions and terms of the general theory of forensic science proposed by D.V. Panarina

⁵ Панарина Д.В. Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебно-экспертной экспертизы. Дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018. 238 с. (С. 88).

Отличие данной классификации заключается в том, что термины и понятия, относящиеся к процессуальному праву (процессуально закрепленные понятия и термины), рассматриваются отдельно. Это в целом соответствует выдвинутому Д.В. Панариной положению о наличии объективных оснований для формирования единого межотраслевого терминологического поля – «общей сферы процессуального права, криминалистики, общей теории судебной экспертизы и связанных с ней прикладных наук, образующей единообразное применение, использование и восприятие их терминологии»⁶.

Ученые отмечают относительную устойчивость системы понятий языка судебной экспертологии, несмотря на происходящие изменения в ее элементах. Н.П. Майлис в этой связи подчеркивает следующее: «одни понятия уточняются, развиваются, другие изменяются, появляются новые понятия и категории. Тем не менее эти изменения не затрагивают существенным образом принципов общей теории судебной экспертизы и ее основных категориальных понятий» [36, с. 39]. Следует согласиться с Н.П. Майлис, поскольку, действительно, относительно неизменными остаются основные процессуально закрепленные понятия («эксперт», «специалист», «судебная экспертиза», «комплексная экспертиза» и т. п.), общенаучные понятия (например, «анализ», «синтез», «эксперимент»), а также специальные термины судебной экспертологии («предмет экспертизы», «экспертная задача», «экспертная профилактика», «экспертная инициатива» и т. п.). Относительность неизменности основных категориальных понятий объясняется несоответствиями, лакунами в действующем отраслевом процессуальном законодательстве. Одним из таких процессуально закрепленных понятий является понятие «комплексная экспертиза» (см., например, [37]). Относительность неизменности специальных терминов судебной экспертологии обусловлена несоответствиями, например, названий родов судебных экспертиз в разных ведомствах, дублированием терминов и др. (см., например, [10, с. 115–117; 18, с. 56]).

Наряду с этим в метаязыке судебной экспертологии наблюдается постоянное терминологическое обогащение за счет понятийных и терминологических новаций, что, как справедливо отмечал Л.Г. Эджубов,

«обеспечивается внутренним развитием самой судебной экспертологии» [33, с. 437]. Появление новых понятий и терминов в судебной экспертологии происходит, по мнению ученого, главным образом в результате так называемого лексического заимствования: «...из других научных областей, которые используются судебной экспертизой. Прежде всего это связано с внедрением в практику проведения экспертизы таких научных дисциплин, как математика, физика, химия, информационные технологии и пр. Чаще всего этот процесс касается конкретных видов экспертиз, однако он достаточно заметно обогащает и теорию судебной экспертизы» [там же].

Еще большее значение новым понятиям в судебной экспертологии придавали А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская. По их мнению, «формирование каждого нового понятия может служить основой создания теоретической системы. <...> Научные понятия призваны отражать существенные свойства и их проявления в системе признаков, связи и взаимосвязи, формировать систему приемов, методов и средств для систематизации существующей фактологии. В данном аспекте понятие включает в себя принципиально новое содержание и создает возможность объединить в границах теоретической системы самые разнообразные и, казалось бы, противоречивые и эмпирические данные» [2, с. 9–10]. Они рассматривали научные понятия в аспекте появления междисциплинарной науки судебной экспертологии как фундамент, базис для каждого рода судебных экспертиз: «В интегральной отрасли научного знания – судебной экспертологии – научные понятия и язык судебной экспертизы должны быть строго унифицированы, охватывать общие научные положения, в одинаковой мере относящиеся к каждой предметной экспертной науке, к каждой отрасли знания, на которой базируются соответствующие судебные экспертизы как вид практической деятельности» [там же, с. 9]. При этом интегративный характер судебной экспертологии обуславливает и междисциплинарный, промежуточный характер некоторых понятий этой науки, базирующейся на общенаучных понятиях, которые «способствуют переносу знания из одной специальной науки в другую. При этом общенаучные понятия, используемые в частной науке, трансформируются в категориальный аппарат специальной науки, в котором и функционируют

⁶ Там же. С. 90.

как особый вариант более общего понятия» [там же, с. 11]. В качестве иллюстрации этого положения ученые приводили примеры понятия «идентификационное поле», полученного в результате трансформации общенаучного понятия «информационное поле», а также понятий «диагностическая экспертиза» и «ситуационная экспертиза», заимствованных из других областей знаний. А.И. Винберг и Н.Т. Малаховская подчеркивали: «Интеграция знаний вызывает унификацию научных понятий, рождение новых понятий, имеющих синтетический характер – общий для ряда отраслевых, предметных наук» [там же, с. 25].

О междисциплинарном характере экспертных понятий до А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской писал еще в 1978 году А.Р. Шляхов: «Трудности состоят в том, что многие термины в области судебной экспертизы содержат синтез двух начал (сторон): юридических и естественнонаучных» [38].

Междисциплинарные понятия составляют теоретическую, концептуальную основу некоторых родов судебной экспертизы, прежде всего комплексной психолого-психиатрической и психологической экспертиз, где они традиционно называются «экспертными». Будучи употребленным в кавычках, слово «экспертные» свидетельствует об условности этого термина, большей частью указывает на область применения, функционирования этих понятий, противопоставление их одноименным юридическим понятиям и категориям базовых наук.

Такое понимание экспертного понятия характерно лишь для части родов (видов) судебной экспертизы, где связь между базовой наукой и судебной экспертизой опосредована, т. е. «когда данные материнских наук трансформируются в специальные познания предметной судебной науки» [2, с. 61].

Категория, подобная термину «экспертные понятия», была разработана и за рубежом, прежде всего в судебной психиатрической экспертизе. Так, в 1973 году междисциплинарной исследовательской группой, возглавляемой психиатром МакГарри (A. Louis McGarry), в связи с разработкой специализированного инструмента для оценки правоспособности гражданина впервые была предложена идея, чтобы правовые критерии правоспособности «были с точностью переведены в психологические и клинические термины и повторно пере-

ведены в соответствующие юридически ориентированные данные»⁷. Анализируя правовые нормы, группа исследователей выявила три класса способностей, соотносимых с определением правоспособности предстать перед судом. Ученые перевели эти юридические понятия в тринадцать психологических «функций» или когнитивных, поведенческих и интеллектуальных конструктов, которые считались важными факторами для описания роли обвиняемого при судебном разбирательстве (например, «качество отношений с адвокатом», «понимание судебного процесса» и др.). Затем эти функции были использованы для создания инструмента оценки правоспособности и скринингового теста правоспособности. При этом данные инструменты оценки должны использоваться в сочетании с другими клиническими методами определения связи между психологическими и клиническими терминами (psychological and clinical terms), а также юридическими критериями дееспособности (legal criteria for competence) [там же].

В 1980-х гг. другие исследователи вслед за междисциплинарной исследовательской группой, возглавляемой МакГарри, работали над инструментами оценки не только правоспособности гражданина предстать перед судом, но и других юридически релевантных способностей. Были разработаны несколько инструментов для оценки способности несовершеннолетних и взрослых давать показания [39] и исследованы методы оценки способности пациентов давать согласие на лечение⁸ [40]. Каждый из ученых стремился разработать стандартизированные количественные методы, с помощью которых можно было бы исследовать аспекты поведения человека, имеющие прямое отношение к вопросам права.

Наибольший интерес представляют работы Гриссо (T. Grisso). Он предложил методы судебно-экспертной оценки – Forensic Assessment Instruments (FAIs) [41, p. 43], специально разработанные или адаптированные из других областей психологии. По его мнению, «FAIs могут улучшить нашу способность концептуализировать отношения между юридическими определениями способностей и психологическими конструкта-

⁷ Competency to Stand Trial and Mental Illness / DHEW Publication No. ADM77-103. Rockville, MD: Department of Health, Education and Welfare, 1973. 125 p.

⁸ Weithorn L. Competency to Render Informed Treatment Decision: A Comparison of Certain Minors and Adults. Doctoral thesis, University of Pittsburgh, 1980. 237 p.

ми, связанными с человеческими способностями» [там же].

В своей работе Гриссо показывает соотношение юридических и психологических конструктов в виде модели. На верхнем уровне представлены концептуальные определения (concept definitions): (A) представляет собой правовой конструкт (legal competence construct), отраженный в правовых нормах, постановлениях, прецедентах; (B) – психологические конструкты (psychological constructs), определяемые теорией психологии и экспериментальными психологическими исследованиями; (C) является психологическим определением юридически релевантных функциональных способностей (psychological definitions of legally relevant functional abilities), которые были логически выведены из анализа правового конструкта. Эти юридически значимые способности в свою очередь концептуализируются как связанные с такими основными психологическими конструктами (B), как «интеллект», «память» и др. Таким образом, конструкт функциональной способности (C) понимается как концептуальная связь между правовым конструктом (A) и основными клиническими или психологическими конструктами (B).

На нижнем уровне модели представлены так называемые операциональные определения (operational definitions), соотношенные, с одной стороны, с психологическими конструктами – (B') – методы клинической (психологической) оценки (clinical assessment instruments), с другой стороны – с психологическим определением юридически релевантных функциональных способностей – (C') – методы судебно-экспертной оценки (forensic assessment instruments). При этом методы судебно-экспертной оценки связаны с методами клинической (психологической) оценки, поскольку многие методы судебно-экспертной оценки получены в результате адаптации, трансформации методов клинической (психологической) оценки [там же, с. 45–46].

Концептуальную основу теории экспертных понятий, разработанной отечественными учеными [34, 35], составили принципы судебной экспертологии, отраженные в труде А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской, прежде всего принцип сравнительного экспертоведения, объясняющий, «как данные материнских фундаментальных (базовых) наук трансформируются в систему специальных познаний в предметной науке, как

эти познания реализуются в практической экспертной деятельности при производстве судебных экспертиз» [2, с. 8].

Ф.С. Сафуанов определяет экспертные понятия как судебно-психологические категории, занимающие «промежуточное положение между общепсихологическими представлениями и юридическими терминами. Они не могут быть заимствованы в неизменном виде из теории психологии, поскольку связь судебно-психологической экспертизы с общей психологией всегда опосредована: общепсихологические понятия не содержат никакой информации об их юридической значимости. <...> В то же время “экспертные” судебно-психологические понятия нельзя признать и полностью правовыми – они носят междисциплинарный характер» [42, с. 112, 113]. Ученый подчеркивает, что «с семиотической точки зрения экспертные понятия обеспечивают коммуникацию между двумя разными языками: психологическим и юридическим» [43].

Экспертные понятия как междисциплинарные категории, полученные в результате трансформации данных базовых наук в зависимости от юридического значения и поэтому занимающие промежуточное положение между понятиями базовых наук и правовыми категориями, играют большую роль в некоторых родах (видах) судебной экспертизы, составляя теоретические и методологические основы этих экспертиз.

Экспертные понятия являются одной из базовых категорий языка современной судебной экспертологии. Они, с одной стороны, имеют природу, определяемую базовой наукой, а с другой – обладают юридическим значением. Благодаря такому двустороннему характеру экспертных понятий, их использование в СЭД в полной мере отвечает, во-первых, задаче такой деятельности – оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, во-вторых – требованиям и принципам регламентирующего ее законодательства, а именно необходимости проведения экспертного исследования в пределах специальных знаний на строго научной и практической основе.

Исходя из этого, данные «экспертные» понятия, по нашему мнению, также входят в систему понятий судебной экспертологии, являются полноправным элементом ее метаязыка.

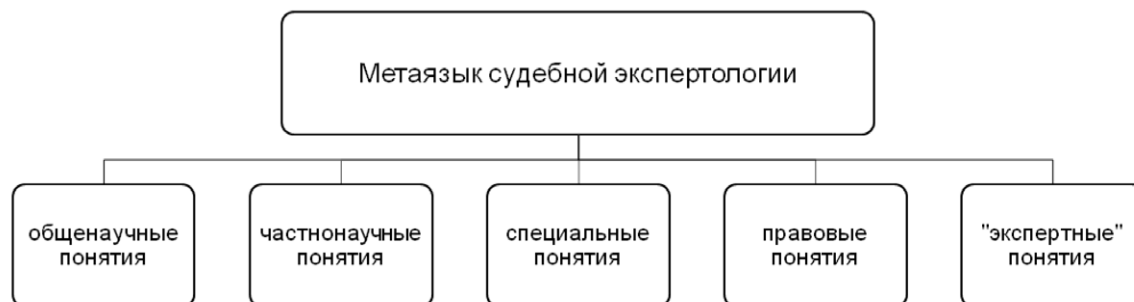


Рис. 2. Модель метаязыка современной судебной экспертологии
Fig. 2. Model of the metalanguage of contemporary forensic science

Заклучение

Система понятий занимает центральное место в языке современной судебной экспертологии, организуя специфический метаязык судебной экспертологии как науки, в который входят общенаучные понятия, частнонаучные понятия (понятия из различных отраслей знания), специальные понятия языка судебной экспертологии, правовые понятия (прежде всего понятия процессуального законодательства о СЭД), а также экспертные понятия – междисциплинарные категории, занимающие про-

межуточное положение между правовыми понятиями и понятиями так называемых материнских, базовых наук. Модель метаязыка современной судебной экспертологии можно представить следующим образом (рис. 2).

Полагаем, что предложенная модель метаязыка судебной экспертологии является наиболее полной, в связи с чем в большей степени отражает его современное состояние, а именно его многогранность и многоаспектность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россинская Е.Р. Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 10–18.
2. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. 181 с.
3. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юридическая литература, 1973. 264 с.
4. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Том I. Общая теория советской криминалистики. М.: Академия МВД СССР, 1977. 340 с.
5. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М.: Юрид. лит., 1987. 272 с.
6. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982. 152 с.
7. Волобуев А.Ф. Соотношение понятий «тактический прием» и «тактическая рекомендация» в системе следственной тактики / Криминалистика и судебная экспертиза. Киев: Вища школа, 1983. Вып. 27. С. 30–33.
8. Егоров Н.Н., Ищенко И.П. Криминалистика. М.: Юрайт, 2020. 545 с.
9. Основы судебной экспертизы. Часть 1. Общая теория / Отв. ред. Ю.Г. Корухов. М.: РФЦСЭ, 1997. 432 с.

REFERENCES

1. Rossinskaya E.R. Modern Judicial Expertology – the Science of Forensics and Forensic Activities. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2015. No.4 (40). P. 10–18. (In Russ.)
2. Vinberg A.I., Malakhovskaya N.T. *Forensic Expertology (General Theoretical and Methodological Problems of Forensic Examinations)*. Volgograd: VSSH MVD SSSR, 1979. 181 p. (In Russ.)
3. Belkin R.S., Vinberg A.I. *Forensic Science. General Theoretical Issues*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1973. 264 p. (In Russ.)
4. Belkin R.S. *Course of Soviet Criminalistics. Vol. 1. General Part of Soviet Criminalistics*. Moscow: Akademiya MVD SSSR, 1977. 340 p. (In Russ.)
5. Belkin R.S. *Criminalistics: Problems, Trends, Perspectives. General and Subtheories*. Moscow: Yurid. lit., 1987. 272 p. (In Russ.)
6. Selivanov N.A. *Soviet Criminalistics: Conceptual System*. Moscow: Yurid. lit., 1982. 152 p. (In Russ.)
7. Volobuev A.F. The Relationship between Concepts of “Tactical Option” and “Tactical Recommendation” in the System of Investigative Tactics. *Criminalistics and Forensic Science*. Kiev: Vishcha shkola, 1983. Issue 27. P. 30–33. (In Russ.)
8. Egorov N.N., Ishchenko I.P. *Criminalistics*. Moscow: Yurait, 2020. 545 p. (In Russ.)
9. Korukhov Yu.G. (ed). *The Basics of Forensic Science. Part 1. General Theory*. Moscow: RFCFS, 1997. 432 p. (In Russ.)

10. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2006. 480 с.
10. Aver'yanova T.V. *Forensic Science. General Theory Course*. Moscow: Norma, 2006. 480 p. (In Russ.)
11. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы. (Судебная экспертология) / Под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 368 с.
11. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. *The Theory of Forensic Science. (Forensic Expertology)* / E.R. Rossinskaya (ed). 2nd ed. Moscow: Norma: INFRA-M, 2016. 368 p. (In Russ.)
12. Юматов В.А., Нестерова О.А. Язык криминалистики и судебной экспертизы. Современное состояние и перспективы развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1-1. С. 254–258.
12. Yumatov V.A., Nesterova O.A. The Language of Criminalistics and Forensic Examination. Current State and Development Prospects. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2012. No. 1-1. P. 254–258. (In Russ.)
13. Радбилль Т.Б., Юматов В.А. Язык судебной экспертизы: тенденции формирования и развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3-2. С. 185–190.
13. Radbil' T.B., Yumatov V.A. The Language of Forensics: Formation and Development Trends. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2014. No. 3-2. P. 185–190. (In Russ.)
14. Гвишиани Н.Б. Метаязык / Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 297–298.
14. Gvishiani N.B. Metalanguage. In: Yartsev V.N. (ed). *Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary*. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1998. P. 297–298. (In Russ.)
15. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии). Монография. М.: Высшая школа, 1986. 280 с.
15. Gvishiani N.B. *The Language of Scientific Communication (Methodological Issues)*. Monograph. Moscow: Vysshaya shkola, 1986. 280 p. (In Russ.)
16. Толстухина Т.В., Светличный А.А., Панарина Д.В. Терминологические проблемы языка межотраслевого института судебной экспертизы // Вопросы экспертной практики. 2019. № S1. С. 647–652.
16. Tolstukhina T.V., Svetlichny A.A., Panarina D.V. Terminological Problems of the Language of the Interdisciplinary Institute of Forensic Examination. *Questions of Expert Practice*. 2019. No. S1. P. 647–652. (In Russ.)
17. Панарина Д.В. Язык криминалистики и судебной экспертизы в структуре научного знания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1-2. С. 143–150.
17. Panarina D.V. Language Criminalistics and Forensic Expertise in Structure of Scientific Knowledge. *Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2017. No. 1–2. P. 143–150. (In Russ.)
18. Толстухина Т.В., Светличный А.А., Панарина Д.В. Основные научные направления терминоведения общей теории судебной экспертизы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4-2. С. 52–60.
18. Tolstukhina T.V., Svetlichny A.A., Panarina D.V. The Main Scientific Areas of Terminology General Theory of Forensics. *Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 2018. No. 4–2. P. 52–60. (In Russ.)
19. Галяшина Е.И. Судебное речеведение. Учебник. М.: Норма: Инфра-М, 2020. 320 с.
19. Galyashina E.I. *Forensic Speech Studies. Textbook*. Moscow: Norma: Infra-M, 2020. 320 p. (In Russ.)
20. Крестовников О.А. К вопросу о развитии языка общей теории судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. № 13 (4). С. 24–27. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-24-27>
20. Krestovnikov O.A. Developing the Language of the General Theory of Forensic Science. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 24–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-24-27>
21. Нефедов С.Н. Стандартизация методического обеспечения судебно-экспертной деятельности // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 1 (39). С. 61–72.
21. Nefedov S.N. Standardization of Methodical Support of Forensic Activity. *Issues of Criminology, Forensics and Forensic Examination*. 2016. No. 1 (39). P. 61–72. (In Russ.)
22. Усов А.И., Омелянюк Г.Г., Чеснокова Е.В. Стандартизация в судебно-экспертной деятельности: прогнозы и решения // Закон. 2019. № 10. С. 55–62.
22. Usov A.I., Omel'yanyuk G.G., Chesnokova E.V. Standardization in Forensics: Prospects and Suggestions. *Law*. 2019. No. 10. P. 55–62. (In Russ.)
23. Чеснокова Е.В. Соотношение терминов и определений международного стандарта ИСО 21043-1-2018 и терминологии отечественной судебной экспертологии // Теория
23. Chesnokova E.V. Correspondence between the Terms and Definitions of the International Standard ISO 21043-1-2018 and Terminology Developed by National Forensic Expertology.

- и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 1. С. 44–49. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-44-49>
24. Brenner J.C. *Forensic Science Glossary*. Boca Raton: CRC Press, 1997. 174 p.
 25. Brenner J.C. *Forensic Science: An Illustrated Dictionary*. Boca Raton: CRC press, 2003. 286 p.
 26. Bell S. *Dictionary of Forensic Science*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 320 p.
 27. Towl G.J., Farrington D.P., Crighton D.A., Hughes G. (eds). *Dictionary of Forensic Psychology*. Cullompton: Willan, Taylor & Francis, 2008. 256 p.
 28. Tilstone W.J., Savage K.A., Clark L.A. *Forensic Science: An Encyclopedia of History, Methods, and Techniques*. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 2006. 307 p.
 29. Mellinkoff D. *The Language of the Law*. Boston: Little, Brown and Company, 1963. 526 p.
 30. Gibbons J., Prakasam V. *Language in the Law*. New Delhi: Orient Longman, 2004. 146 p.
 31. Tiersma P.M., Solan L.M. (eds). *The Oxford Handbook of Language and Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 642 p.
 32. Mowbray J. *Linguistic Justice: International Law and Language Policy*. Oxford: Oxford University Press, 2012, 227 p.
 33. Эдзубов Л.Г. Язык судебной экспертизы / Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. II. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы / Под ред. С.А. Смирновой. М.: Эком, 2012. С. 434–439.
 34. Дьяконова О.Г. Понятие и структура предмета науки «судебная экспертология» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12 (16). С. 86–99.
 35. Дьяконова О.Г. Теоретические основы судебной экспертологии. Монография. М.: Проспект, 2017. 480 с.
 36. Майлис Н.П. Введение в судебную экспертизу. Учебное пособие. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 112 с.
 37. Усов А.И., Эдзубов Л.Г., Микляева О.В., Карпухина Е.С. Проблемы комплексности в теории и практике судебной экспертизы (теоретический анализ). М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2015. 132 с.
 38. Шляхов А.Р. Пути повышения роли судебной экспертизы // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 82–87.
 39. Grisso T. *Juveniles Waiver of Rights: Legal and Psychological Competence*. New York: Plenum Press, 1981. 295 p.
 40. Roth L., Lidz C., Meisel A., Soloff P., Kaufman F., Spike D., Foster R. Competency to Decide about Treatment or Research: An Overview of Some Empirical Data // *International Journal of Law and Psychiatry*. 1982. Vol. 5. No. 1. P. 29–50. [https://doi.org/10.1016/0160-2527\(82\)90013-9](https://doi.org/10.1016/0160-2527(82)90013-9)
 41. Grisso T. Empirical Assessments for Legal Competencies. In: Grisso T., Borum R., Edens J., Moye J., Otto R. *Evaluating Competencies. Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 44–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-44-49>
 24. Brenner J.C. *Forensic Science Glossary*. Boca Raton: CRC Press, 1997. 174 p.
 25. Brenner J.C. *Forensic Science: An Illustrated Dictionary*. Boca Raton: CRC press, 2003. 286 p.
 26. Bell S. *Dictionary of Forensic Science*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 320 p.
 27. Towl G.J., Farrington D.P., Crighton D.A., Hughes G. (eds). *Dictionary of Forensic Psychology*. Cullompton: Willan, Taylor & Francis, 2008. 256 p.
 28. Tilstone W.J., Savage K.A., Clark L.A. *Forensic Science: An Encyclopedia of History, Methods, and Techniques*. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 2006. 307 p.
 29. Mellinkoff D. *The Language of the Law*. Boston: Little, Brown and Company, 1963. 526 p.
 30. Gibbons J., Prakasam V. *Language in the Law*. New Delhi: Orient Longman, 2004. 146 p.
 31. Tiersma P.M., Solan L.M. (eds). *The Oxford Handbook of Language and Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 642 p.
 32. Mowbray J. *Linguistic Justice: International Law and Language Policy*. Oxford: Oxford University Press, 2012, 227 p.
 33. Edzhubov L.G. The Language of Forensic Examination. In: Smirnova S.A. (ed). *Multimodal Edition "Forensic Science. Reboot". Part 2. Dictionary of Forensic Science*. Moscow: Ekom, 2012. P. 434–439. (In Russ.)
 34. D'yakonova O.G. The Concept and the Structure of the Subject Sciences "Judicial Expertology". *Curier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2015. No. 12 (16). P. 86–99. (In Russ.)
 35. D'yakonova O.G. *Theoretical Framework of Forensic Expertology. Monograph*. Moscow: Prospekt, 2017. 480 p. (In Russ.)
 36. Mailis N.P. *Introduction to Forensic Science. Textbook*. Moscow: Zakon i pravo, YUNITI-DANA, 2004. 112 p. (In Russ.)
 37. Usov A.I., Edzhubov L.G., Miklyaeva O.V., Karpukhina E.S. *The Issues of Complexity in the Theory and Practice of Forensic Science (Theoretical Analysis)*. Moscow: RFCFS, 2015. 132 p. (In Russ.)
 38. Shlyakhov A.R. The Ways to Enhance the Role of Forensic Expertise. *Soviet State and Law*. 1978. No. 3. P. 82–87. (In Russ.)
 39. Grisso T. *Juveniles Waiver of Rights: Legal and Psychological Competence*. New York: Plenum Press, 1981. 295 p.
 40. Roth L., Lidz C., Meisel A., Soloff P., Kaufman F., Spike D., Foster R. Competency to Decide about Treatment or Research: An Overview of Some Empirical Data // *International Journal of Law and Psychiatry*. 1982. Vol. 5. No. 1. P. 29–50. [https://doi.org/10.1016/0160-2527\(82\)90013-9](https://doi.org/10.1016/0160-2527(82)90013-9)
 41. Grisso T. Empirical Assessments for Legal Competencies. In: Grisso T., Borum R., Edens J., Moye J., Otto R. *Evaluating Competencies*.

- Perspectives in Law & Psychology. 2005. Vol. 16. P. 41–67. https://doi.org/10.1007/0-306-47922-2_3
42. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 421 с.
43. Сафуанов Ф.С. Принципы клинико-психологической судебной экспертологии // Российский психиатрический журнал. 2020. № 2. С. 39–45. <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>
- Perspectives in Law & Psychology. 2005. Vol. 16. P. 41–67. https://doi.org/10.1007/0-306-47922-2_3.*
42. Safuanov F.S. *Forensic Psychological Examination. Textbook for Academic Bachelor Degree*. Moscow: Yurait, 2014. 421 p. (In Russ.)
43. Safuanov F.S. Principles of Clinical-Psychological Forensic Expert Science. *Russian Journal of Psychiatry*. 2020. No. 2. P. 39–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Виталий Олегович – к. филол. н., заведующий лабораторией судебной лингвистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Vitaly Olegovich – Candidate of Philology, Head of the Laboratory of Forensic Linguistics of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

Статья поступила: 09.01.2021

После доработки: 05.02.2021

Принята к печати: 20.02.2021

Received: January 09, 2021

Revised: February 05, 2021

Accepted: February 20, 2021